

Информация для цитирования:

Сигал К. Я. Пунктуационный минус-прием в условиях пародирования (на материале рассказов А. П. Чехова «Дама с собачкой» и М. М. Зощенко «Дама с цветами») / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 116—134. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-116-134.

Seagal, K. Ya. (2025). Punctuational Minus Device in Parody: A Study of A. P. Chekhov's "The Lady with the Dog" and M. M. Zoshchenko's "The Lady with the Flowers". *Nauchnyi dialog*, 14 (2): 116-134. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-116-134. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Пунктуационный
минус-прием в условиях
пародирования (на
материале
рассказов А. П. Чехова
«Дама с собачкой»
и М. М. Зощенко
«Дама с цветами»)**

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

**Punctuational Minus Device
in Parody: A Study
of A. P. Chekhov's
"The Lady with the Dog" and
M. M. Zoshchenko's
"The Lady with the Flowers"**

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
Chief research scientist,
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается анализ пунктуационного минус-приема в условиях пародирования. В качестве материала для исследования использованы эмотивные знаки препинания (восклицательные знаки, срединные и конечные многоточия, вопросительные знаки) в рассказе А. П. Чехова «Дама с собачкой» (1899 год) и в его «пародийной реинтерпретации» (И. П. Колева) — рассказе М. М. Зощенко «Дама с цветами» (1929 год). Актуальность исследования состоит в том, что эмотивно-дейктическая функция знаков препинания не описана на интертекстуальном уровне и что способы пародирования пунктуации (за исключением гиперболического воспроизведения) не установлены. Показано, что пунктуационный минус-прием заключается в отсутствии необходимого знака препинания, а также в постановке знака препинания, менее пригодного к выполнению той или иной функции. Выяснено, что при реализации эмотивно-дейктической функции в интертексте пародийного типа пунктуационный минус-прием проявляется в крайне ограниченном и менее разнообразном использовании эмотивных знаков препинания. Сопоставительный анализ рассказов А. П. Чехова и М. М. Зощенко приводит к выводу о том, что пародийный пунктуационный минус-прием способствует созданию почти безэмоционального повествования.

Ключевые слова:

минус-прием; пародия; пунктуация; рассказ; рефлексия; художественный текст; эмотивные знаки препинания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper presents an analysis of the punctuational minus device within the context of parody. The study examines emotive punctuation marks (exclamation points, mid-sentence and terminal ellipses, question marks) in A. P. Chekhov's short story "The Lady with the Dog" (1899) and its 'parodic reinterpretation' (I. P. Koleva) by M. M. Zoshchenko's "The Lady with the Flowers" (1929). The relevance of this research lies in the fact that the emotive-deictic function of punctuation marks has not been described at the intertextual level, and methods of parodying punctuation (with the exception of hyperbolic reproduction) remain unestablished. It is demonstrated that the punctuational minus device consists of the absence of necessary punctuation marks as well as the use of less suitable punctuation marks for fulfilling specific functions. The study reveals that when realizing the emotive-deictic function in an intertext of a parodic type, the punctuational minus device manifests itself in a highly limited and less diverse usage of emotive punctuation marks. A comparative analysis of A. P. Chekhov's and M. M. Zoshchenko's short stories leads to the conclusion that the parodic punctuational minus device contributes to the creation of an almost emotionless narrative.

Key words:

minus device; parody; punctuation; short story; reflection; literary text; emotive punctuation marks.

УДК 811.161.1*367+003.086

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-116-134

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Пунктуационный минус-прием в условиях пародирования (на материале рассказов А. П. Чехова «Дама с собачкой» и М. М. Зощенко «Дама с цветами»)

© Сигал К. Я., 2025

1. Введение = Introduction

Термин *минус-прием*, предложенный Ю. М. Лотманом, был призван обозначать «сознательный читательски ощутимый отказ», «значимый нуль», ставший «органической частью графически зафиксированного текста» [Лотман, 2016, с. 70, 127]. Идея минус-приема оказалась востребованной как в литературоведении [Минус-прием ..., 2011], так и в лингвистике [Стрункина, 2004]. В рамках пунктуации художественного текста возникает необходимость уточнить понятие, обозначаемое термином *минус-прием*.

В художественной пунктуации, вбирающей в себя интенционально и, несомненно, эстетически обусловленные способы расстановки пунктуационных маркеров, минус-прием проявляется либо в отсутствии необходимого знака препинания, либо в сигнификативном или эмотивном ослаблении знака препинания. Если в первом случае имеется стилистически санкционированный пунктуационный нуль, то во втором — ставится знак препинания, менее отчетливо указывающий на определенное логико-смысловое содержание (например, запятая вместо двоеточия в бессюжных сложных предложениях с причинными отношениями) или менее приспособленный к передаче эмоций (в частности, точка вместо восклицательного знака).

Обращение к пунктуационному минус-приему становится возможным в том случае, если писатель, во-первых, делает пунктуацию объектом своей метаязыковой и — вследствие этого — стилистической рефлексии, а во-вторых, сообразует постановку знака препинания с намерением преодолеть пунктуационную норму, в том числе посредством сложившейся в узусе пунктуационной вариантности, и / или создать маркер интертекстуальной связи. Это последнее наблюдается большей частью в использовании пародийного пунктуационного минус-приема.

Для пародии существенно, что «различное направление речевой деятельности, ее индивидуальная дифференциация сказывается наиболее на-

глядно в структурных мелочах» [Тынянов, 1977, с. 298—299], к которым относятся и пунктуационные маркеры. Правда, в пародиях обычно происходит репродуцирование пунктуационных «мелочей»: так, А. И. Герцен в «Путевых заметках г. Ведрина» (1843 год) дает намек на «пунктуацию <...> коротких паратаксисов» М. П. Погодина [Там же, с. 298]. Однако действие «закона единства воспроизведения и трансформации в процессе создания пародии» [Новиков, 1989, с. 57] побуждает писателей прибегать и к пунктуационному минус-приему.

В этом смысле довольно показателен рассказ М. М. Зощенко «Дама с цветами» (1929 год), представляющий собой «пародийную реинтерпретацию» [Колева, 2013, с. 153] рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой» (1899 год). Именно здесь М. М. Зощенко искусно вводит в текст пунктуационный минус-прием, состоящий в ограниченном употреблении эмотивных знаков препинания (по сравнению с рассказом А. П. Чехова) и тем самым в намеренном подчеркивании почти безэмоционального характера повествования. По-видимому, данный прецедент может быть использован для исследования пунктуационного минус-приема в условиях пародирования, в чем и состоит цель настоящей статьи.

Актуальность исследования определяется тем, что до сих пор, во-первых, в пунктуации художественного текста минус-прием не был выделен как особое явление; во-вторых, участие пунктуации в создании пародии рассматривается исключительно в плане подобию пунктуационного маркирования; в-третьих, эмотивно-дейктическая функция знаков препинания не изучена на интертекстуальном уровне. При этом стоит напомнить, что «язык эмоций в графическом воплощении — одна из важнейших проблем теории художественной пунктуации» [Кольцова, 2006, с. 99].

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней впервые раскрыты особенности пародийного использования пунктуационного минус-приема в жанре рассказа.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для анализа является пунктуационная организация рассказов А. П. Чехова «Дама с собачкой» и М. М. Зощенко «Дама с цветами». В центре исследовательского внимания находятся пунктуационные маркеры, специализирующиеся на передаче эмоций: восклицательные знаки, многоточия (как конечные, так и срединные) и вопросительные знаки.

В теории пунктуации утвердилось мнение о том, что к эмотивным знакам препинания относятся только восклицательный знак, передающий «эмоциональную окраску предложения», и многоточие, являющееся показателем «эмоционального и психологического напряжения» [Валгина, 2004, с. 62,

68]. Однако вопросительный знак вовсе не отлучен от эмотивного указания: ему присуще выступать в качестве графического маркера эмоций удивления, недоумения, сомнения, недоверия, негодования и возмущения, сопровождающих реализацию вопросительной эмфазы [Калинина, 2021, с. 202—204]. Кроме того, даже вопросительный знак, указывающий сугубо на вопросительную целеустановку высказывания, в художественной речи может становиться контекстным сигналом эмоционального содержания.

В процессе рассмотрения пунктуационного минус-приема как средства пародии были использованы такие методы исследования, как сопоставительно-стилистический анализ художественных текстов одного и того же жанра; функционально-текстовый анализ знаков препинания с учетом их рассредоточения по сюжетно-композиционным компонентам, а также по речевым сферам рассказчика и персонажей; пунктуационно-стилистический эксперимент, а именно «экспериментальные ухудшения» [Пешковский, 2007, с. 515], связанные с заменой эмотивных пунктуационных маркеров на точку и наоборот.

Исследование пунктуационного минус-приема осуществляется, с одной стороны, в русле мультимодальной стилистики, в которой предполагается включение пунктуации, равно как и других графических элементов, в «мультимодальный семиозис (multimodal semiosis)» [Nørgaard, 2019, р. 2], а с другой стороны, в русле таких направлений функционального подхода к пунктуации, как пунктуационная стилистика [Abaravičius, 2002], прагматика пунктуации [Figueras, 2001] и эстетика пунктуации [Lukeman, 2006; Serça, 2012].

Если пунктуация рассказов А. П. Чехова, а также его метаязыковые и стилистические представления о пунктуации неоднократно становились предметом рассмотрения как в отечественной [Галанова, 2021; Глухих, 1991; Гурбанов, 1963], так и в зарубежной [Bartlett, 2006] лингвистике, то пунктуация в художественно-речевом творчестве М. М. Зощенко пока не была подвергнута специальному исследованию.

Несмотря на то, что еще в 1946 году Л. А. Плоткин отметил, что рассказ А. П. Чехова «Дама с собачкой» «явным образом пародируется» в зощенковском рассказе «Дама с цветами» [МЗ, с. 814], только в наши дни усилиями И. П. Колевой этот литературный факт получил свое истолкование [Колева, 2013, с. 149—164]. Однако, заявив о том, что «следы литературных связей зощенковского рассказа с чеховским спрятаны <...> вовнутрь и, чтобы их обнаружить, нужны усилия на уровне <...> лингвистического анализа текста» [Там же, с. 153], она вовсе не обращается к пунктуации, благодаря которой М. М. Зощенко создает такое средство пародирования, как пунктуационный минус-прием.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Рассказы А. П. Чехова в литературно-эстетическом восприятии М. М. Зощенко

Для понимания пародийной основы рассказа М. М. Зощенко «Дама с цветами» должно быть учтено то обстоятельство, что обращение к чеховскому рассказу «Дама с собачкой» здесь отнюдь не случайно: на протяжении всей творческой жизни М. М. Зощенко осмыслял писательский опыт А. П. Чехова. В одной из бесед он признавал: «Первые мои рассказы были написаны под влиянием старых традиций, может быть, Чехова <...>» [МЗ, с. 55].

Любопытно, что читатели, сравнивая М. М. Зощенко с А. П. Чеховым, иногда довольно нелицеприятно отзывались о писателе-современнике. М. М. Зощенко приводил письмо юной читательницы, в котором говорилось буквально следующее: «Я думаю, да и Вы, наверно, сами согласитесь, что до Чехова Вам далеко» [Там же, с. 49]. Это выражение М. М. Зощенко использовал в рассказе «Происшествие на Олимпе» (1946 год), где в присутствии начинающего писателя М. (!) сотрудница литературной консультации при районной газете заявляет: «Все равно ему до Чехова далеко» [Зощ-2, с. 595].

В литературно-критической статье «О комическом в произведениях Чехова», написанной в 1944 году, М. М. Зощенко показал, что «Чехов не был юмористом, он был сатириком. Но, как здоровый и полноценный человек, он, видимо, не считал сатиру высшей ступенью в литературе. Он стремился к утверждению жизни» [МЗ, с. 106]. Раскрыв художественную сверхзадачу А. П. Чехова, писатель как бы осуществил творческое самоопределение. Еще за полтора десятилетия до этого М. М. Зощенко так представлял свое литературное кредо: «Я пишу не для того, чтобы посмешить, а для того, чтобы юмором оттенить недостатки, усилить то, что мне кажется наиболее важным. Смехом можно гораздо сильнее ударить по тому явлению, по которому мне хочется ударить» [Там же, с. 56].

Рассказы А. П. Чехова присутствуют в зощенковском творчестве в виде разного рода аллюзий, создающих особый чеховский интертекст.

Так, например, в рассказе М. М. Зощенко «Горькая доля» (1923 год) происходит комический «сдвиг» сюжета чеховской «Душечки». Анна четырежды выходит или собирается выйти замуж, всякий раз восхищаясь родом занятий своего избранника и воспринимая его взгляды на жизнь. Весь рассказ состоит из пяти писем, адресованных некоей Капочке. В конце четырех из них указывается очередная фамилия Анны (ср.: «Твоя Анна <Подподушкина / Деримбасова / Шишман / Лахудрина>» [Зощ-4, с. 414—417]), а в начале каждого письма — дата написания (эти части выделены курсивом и выровнены по правому краю). Отсюда читатель узнает,

что вся незатейливая матримониальная история заняла менее трех месяцев. Эту скоротечность прежде всего и осмеивает писатель.

Для зощенковского рассказа «Анна на шее» (1934 год) берется название одноименного рассказа А. П. Чехова. Кроме того, в нем упоминается, что в прежнее время «давали чуть не за каждый шаг <...> знаменитую “Анну на шее”» [Зощ-2, с. 70] (а этот орден — символическая деталь у А. П. Чехова). Сюжет рассказа предельно прост: милиционер Михаил Сидоренко спасает бросившуюся в Неву молодую гражданку Анну Васильевну Теплякову, а затем, поспешно женившись на ней, становится жертвой ее чудовищных истерик. «Наш храбрец получил, так сказать, Анну на шею» [Там же, с. 75], — резюмирует рассказчик, дающий фразовую отсылку к чеховскому первоисточнику.

Очевидно, что в обоих этих рассказах пародирование представлено как «способ освоения художественного текста с целью создания нового произведения» [Новиков, 1989, с. 150]. Причем пародийное обыгрывание тех или иных элементов чеховских рассказов (от названия до сюжетного хода) служит здесь предъявлению этической «калибровки» личности в новых условиях общественной жизни. В полной мере сказанное относится и к зощенковскому рассказу «Дама с цветами».

В нем устами рассказчика-обывателя («старого грубоватого материалиста» [Зощ-3, с. 599]) передана история о том, как семейная идиллия оказалась разрушенной трагическим событием и как «любовные чувства <...> героя не выдерживают <...> “проверки на прочность”» [Колева, 2013, с. 158]. Инженер Николай Николаевич Горбатов, живший со своей молодой супругой Ниной Петровной на даче «по реке Неве» [Зощ-3, с. 600], был безумно нежен с ней, баловал ее и «окончательно замкнулся в свою семейную жизнь и в свою любовь» [Там же, с. 601]. Однако супруга утонула, а ее тело долго не могли найти, из-за чего Горбатов «чересчур страдал и расстраивался» [Там же, с. 604]. Когда рыбаки отыскали тело его утонувшей супруги, Горбатов, выказав отвращение и брезгливость («носом своего сапожка <...> перевернул лицо утопленницы» [Там же, с. 606]), поручил тем же рыбакам похоронить «эту (sic! — К. С.) даму» [Там же]. Вскоре его увидели в Ленинграде «с какой-то дамочкой» [Там же].

Данный рассказ отличается от чеховского рассказа «Дама с собачкой» по своему сюжету и, что особенно существенно, по пафосу (ср. [Колева, 2013, с. 153]): если у А. П. Чехова показана возвышающая, преображающая сила любви, то рассказчик у М. М. Зощенко, отвергнув «миф о романтической любви и смерти» [Жолковский, 2014, с. 371], «окончательно после этой истории поставил крест на многие возвышенные вещи» [Зощ-3, с. 600].

Благодаря фигуре рассказчика М. М. Зощенко пародирует чеховскую «Даму с собачкой», вследствие чего он вынужден давать читателю отсылки к пародируемому тексту. В частности, эту функцию выполняет само название рассказа. Во-первых, оно образовано по той же лексико-синтаксической модели атрибутивно-посессивного словосочетания, что и название рассказа А. П. Чехова. Во-вторых, ориентация на чеховское название видится в том, что словосочетание «дама с цветами» вовсе не встречается в тексте рассказа (ср., наоборот, рассказ А. П. Чехова, где словосочетание «дама с собачкой» употреблено четыре раза). В-третьих, цветы, включенные в портретное описание Нины Петровны («Так, дама и дама. <...> За-всегда в руках цветы. Или она их держит, или нюхает» [Там же]), в то же время ассоциируются с героиней чеховского рассказа («Анна Сергеевна уже молчала и нюхала цветы, не глядя на Гурова» [Чех-2, с. 131]).

В рассказе М. М. Зощенко «Дама с цветами» осуществляется «пародирование всего лирического настроения чеховской новеллы» [Колева, 2013, с. 161]. При этом необходимую для пародии «невязку планов» ее текста и текста пародируемого [Тынянов, 1977, с. 201] М. М. Зощенко обеспечивает в том числе за счет пунктуационного минус-приема, состоящего в значительном снижении доли эмотивных знаков препинания. По сравнению с чеховским рассказом «Дама с собачкой» у М. М. Зощенко использовано в 4 раза меньше восклицательных знаков (а именно — 7), в 14 раз меньше вопросительных знаков (а именно — 2) и в 26 раз меньше многоточий (а именно — 1).

3.2. Пунктуация в зеркале писательской рефлексии: А. П. Чехов и М. М. Зощенко

Важно отметить, что как А. П. Чехов, так и М. М. Зощенко то и дело обращаются к осмыслению знаков препинания в пунктуационных комментариях, запечатленных в созданных этими писателями текстах.

В 1885 году А. П. Чехов посвящает пунктуации целый рассказ — «Восклицательный знак». В нем ведущая сюжетная линия зиждется на том, что в деловых бумагах, которые в течение сорока лет писал коллежский секретарь Ефим Фомич Перекладин, ни разу не был поставлен восклицательный знак.

Как кажется, отповедь по поводу употребления знаков препинания, которую Перекладину пришлось выслушать от юноши, сына статского советника, в содержательном плане созвучна представлениям самого А. П. Чехова. Ср.: « — <...> Мало того, что вы знаки препинания правильно ставите... мало-с! Нужно сознательно ставить! Вы ставите запятую и должны сознавать, для чего ее ставите... да-с! А это ваше бессознательное... рефлекторное правописание и гроша не стоит. Это машинное производство и больше ничего» [Чех-1, с. 266—267].

В эпистолярном творчестве А. П. Чехова знаки препинания уподобляются нотам. Так, в письме Н. А. Хлопову от 13 февраля 1888 года он пеняет своему адресату на то, что в его произведении «знаки препинания, служащие нотами при чтении, расставлены <...>, как пуговицы на мундире го-голевского городничего. Изобилие многоточий и отсутствие точек» [Чех-3, с. 200]. В письме Р. Ф. Ващук от 28 марта 1897 года подчеркивается, что «в художественном произведении знаки (препинания. — К. С.) зачастую играют роль нот, и выучиться им по учебнику нельзя; нужны чутье и опыт» [Чех-4, с. 318]. Очевидно, что если в первом письме делается намек на изобразительный потенциал знаков препинания, то во втором — названо то, на чем основывается пунктуационный «почерк» художника слова.

В творчестве М. М. Зощенко описательное указание на тот или иной знак препинания и на целесообразность его употребления возникает тогда, когда писатель сосредоточивается на том, какой знак препинания следовало бы поставить, или когда он заменяет один знак препинания другим.

Ср. в «Голубой книге» (1935 год): «Так что уважать людей и любить их надо со всей силой своего сознательного сердца. И это на голубом мраморе надо записать черными буквами с пятью восклицательными знаками» [Зощ-1, с. 696—697]; в повести «Перед восходом солнца» (1943 год): «Но Байрону было тридцать, когда он сказал: “То пресыщенье? Оно теперь следит за мной, как тать, везде <...>”. У Байрона нет вопросительного знака после слов “То пресыщенье”. Это я мысленно ставлю <...> вопрос» [Зощ-5, с. 91].

Приведенные контексты обнаруживают пристальное внимание М. М. Зощенко к пунктуационной позиции конца высказывания и, в частности, к ее маркированию эмотивными знаками препинания. Кроме того, замена точки на вопросительный знак в цитате свидетельствует о том, что М. М. Зощенко допускал необходимые ему пунктуационные трансформации в сфере интертекста.

3.3. Пунктуационные особенности рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой»

Знаки препинания с эмоциональной «нагрузкой», то есть восклицательные знаки, многоточия и вопросительные знаки, в их совокупности обладают разной мерой концентрированности в каждой из четырех глав рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой»: в 1-й главе (знакомство Анны Сергеевны и Гурова) таких знаков препинания — 8, во 2-й главе (сближение героев и их расставание) — 22, в 3-й главе (поездка Гурова в город С.) — 37, в 4-й главе (приезд Анны Сергеевны в Москву) — 15.

При этом в пунктуационном «рисунке» каждой главы преобладает какой-то один эмотивный знак препинания: в 1-й и 3-й главах — восклиц-

пательный знак (по 4 и 17 употреблений соответственно), во 2-й главе — многоточие (10 употреблений), в 4-й главе — вопросительный знак (9 употреблений).

По-видимому, все это не могло не быть учтено (пусть даже интуитивно!) В. В. Набоковым, пронизательно сказавшим о чеховской «Даме с собачкой», что этот «рассказ основан на системе волн, на оттенках того или иного настроения» [Набоков, 2010, с. 368].

В рассказе «Дама с собачкой» разные эмотивные знаки препинания образуют значимую в композиционном плане рамку, отображающую изменения в духовно-эмоциональной жизни Гурова. Если в 1-й главе речь идет о том, что он «о женщинах отзывался почти всегда дурно, и когда в его присутствии говорили о них, то он называл их так: — *Низшая раса!*» [Чех-2, с. 128], то в 4-й главе о Гурове, не находящем способа «освободиться от <...> невыносимых пут», сообщается: « — *Как? Как?* — спрашивал он, хватая себя за голову. — *Как?*» [Там же, с. 143].

Посредством восклицательного знака в речи Гурова переданы его надменность и презрение, тогда как трижды использованный вопросительный знак обнаруживает его искреннюю растерянность. Переходом от восклицательного знака к вопросительному в рассказе сопровождается «история “перерождения” главного героя — типичного московского обывателя, любителя женщин и светских удовольствий — в человека рефлексирующего» [Колева, 2013, с. 158].

Безусловно, А. П. Чехов намеренно придал данным употреблением разных эмотивных знаков препинания композиционную функцию. На это указывают два следующих факта. Во-первых, эти пунктуационные маркеры являются в рассказе первой и последней реализацией эмотивных знаков препинания соответственно, то есть оказываются стилистически выделенными. Во-вторых, первая реплика, причем автономная, не относящаяся к какому-либо диалогическому единству, вполне могла бы быть включена в структуру словосочетания (ср.: «называл низшей расой») в высказывании рассказчика, однако писатель не лишает ее коммуникативного статуса, поскольку ему был необходим восклицательный знак во «входной» реплике Гурова.

В рассказе «Дама с собачкой» предельное «сгущение» эмотивных знаков препинания происходит в отдельных эпизодах, речевая организация которых отражает «господство плана персонажа» [Виноградов, 1971, с. 184].

Так, в эпизоде «покаяния» [Чех-2, с. 133] Анны Сергеевны после сближения (2-я глава) в ее репликах использованы 5 многоточий (в том числе 2 срединных), 3 восклицательных знака и 1 вопросительный знак. Ср.: « — *Пусть бог меня простит!* <...> *Чем мне оправдаться?* <...> *Мой муж, быть может, честный, хороший человек, но ведь он лакей!* <...>

Хотелось пожить! Пожить и пожить... Любопытство меня жгло... вы этого не понимаете, но, клянусь богом, я уже не могла владеть собой, со мной что-то делалось, меня нельзя было удержать, я сказала мужу, что больна, и поехала сюда... И здесь все ходила, как в угаре, как безумная... и вот я стала пошлой, дрянной женщиной, которую всякий может презирать. <...> Верьте, верьте мне, умоляю вас...» [Там же, с. 132—133].

В речи Анны Сергеевны многоточиями маркируются эмоциональные паузы, передающие взволнованность героини, благодаря восклицательным знакам выстраданные ею реплики приобретают эмоциональный акцент, вопросительным знаком маркируется риторический вопрос, косвенно указывающий на самоосуждение героини («Мне нечем оправдаться»).

Правда, некоторые из этих пунктуационных маркеров выполняют и дополнительную текстовую функцию, вовсе не связанную с эмоциями. Ср. оформленный восклицательным знаком и многоточием инфинитивный повтор в речи Анны Сергеевны («*Хотелось пожить! Пожить и пожить...*» [Там же, с. 132]) и участие этих знаков препинания в отсылке к словам рассказчика о Гурове, которому «при всякой новой встрече с интересною женщиной <...> *хотелось жить*» [Там же, с. 129].

Показательно, что в репликах Гурова, прерывающих покаянную речь Анны Сергеевны, содержатся всего 2 вопросительных знака и 1 многоточие, восклицательных знаков нет вовсе. В этом эпизоде подобное ограниченное использование эмотивных знаков препинания обнаруживает отсутствие у Гурова подлинной эмпатии. Ср.: «Гурову было уже скучно слушать, его раздражал наивный тон, это покаяние, такое неожиданное и неуместное <...>» [Там же, с. 133].

Эпизод объяснения Анны Сергеевны и Гурова в театре (3-я глава), состоявшегося тогда, когда Гуров уже «понял ясно, что для него теперь на всем белом свете нет ближе, дороже и важнее человека» [Там же, с. 139], чем Анна Сергеевна, в аспекте употребления эмотивных знаков препинания выглядит несколько иначе.

В речи Анны Сергеевны, ошеломленной неожиданным появлением Гурова, а затем его поцелуями на лестнице, представлены 9 восклицательных знаков, 4 вопросительных знака и 3 многоточия. Ср.: «— *Как вы меня напугали!* <...> *О, как вы меня напугали!* <...> *Зачем вы приехали? Зачем?* <...> *Я так страдаю!* <...> *И мне хотелось забыть, забыть, но зачем, зачем вы приехали?* <...> *Что вы делаете, что вы делаете!* <...> *Уезжайте сегодня же, уезжайте сейчас... Заклинаю вас всем святым, умоляю... Сюда идут!* <...> *Вы должны уехать...* <...> *Слышите, Дмитрий Дмитрич?* <...> *Я никогда не была счастлива, я теперь несчастна и никогда, никогда не буду счастлива, никогда! Не заставляйте же меня страдать*

еще больше! <...> А теперь расстанемся! Мой милый, добрый, дорогой мой, расстанемся!» [Там же, с. 140].

Обилие эмотивных знаков препинания при незначительных по длине высказываниях, в том числе с повторами, передает, с одной стороны, эмоциональную дробность речи и ее убыстренный темп, а с другой стороны, эмоциональный «нажим» при кратком увещевании.

В речи Гурова эмотивных знаков препинания имеется как будто бы не так много: 3 многоточия и 2 восклицательных знака, вопросительных же знаков вообще нет, однако это указывает совсем не на недостаток у него эмоций, а на его эмоциональную сдержанность. О том, что Гуров наполнен эмоциями, но они просто не направлены вовне, свидетельствует то, что эмотивные знаки препинания используются при передаче его внутренней речи (ср.: «И Гуров, у которого сильно билось сердце, думал: *“О господи! И к чему эти люди, этот оркестр...”*» [Там же]) и при его несобственно-прямой речи («И в эту минуту он (Гуров. — К. С.) вдруг вспомнил, как тогда вечером на станции, проводив Анну Сергеевну, говорил себе, что все кончилось и они уже никогда не увидятся. *Но как еще далеко было до конца!*» [Там же]).

В рассказе «Дама с собачкой» разнообразие эмотивных знаков препинания характерно только для речи Анны Сергеевны и — в меньшей степени — Гурова, тогда как в речи рассказчика (если не учитывать несобственно-прямую речь) и второстепенных персонажей имеется только какой-либо один из этих знаков. Так, в речи рассказчика таковым оказывается многоточие, обозначающее «стыки» разных эпических плоскостей, в речи чиновника из клуба — восклицательный знак (ср.: « — *Дмитрий Дмитрич! <...> А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!*» [Там же, с. 137]), в речи дочери Гурова — вопросительный знак.

Особо стоит остановиться именно на вопросительном знаке, которым обозначена вопросительная целеустановка, характеризующая высказывание дочери Гурова: « — *Папа, а почему зимой не бывает грома?*» [Там же, с. 141]. Внутри высказывания этот знак препинания не несет какого бы то ни было эмоционального содержания. Однако, отвечая на вопрос, Гуров задумывается о своих двух жизнях — явной и тайной, и это придает самому вопросительному высказыванию отраженный эмоциональный смысл. Тем самым в контексте, выходящем за пределы акта вопросно-ответной коммуникации, вопросительный знак приобретает способность к эмотивному указанию.

3.4. Пунктуационные особенности рассказа М. М. Зощенко «Дама с цветами»

Рассказу М. М. Зощенко «Дама с цветами» свойственна сказовая форма повествования. «Сказ обычно почти поглощает диалог, ограничивает

его, во всяком случае, борется с ним» [Виноградов, 1971, с. 127]. В полной мере эта черта сказовой формы повествования проявляется в зошенокской «Даме с цветами», где предельно сужена сфера прямой речи персонажей и где почти все немногочисленные эмотивные знаки препинания принадлежат либо речи самого рассказчика, либо пересказанной им речи второстепенных персонажей.

В речи рассказчика представлены 3 восклицательных знака. Двумя из них обозначается сильный эмоциональный акцент на коротких неодобрительных высказываниях: однокомпонентном — отрицательно-партиклевом, двухкомпонентном — риторическом восклицании, идиоматически указывающем на безразличие со стороны объекта речи. Ср.: «Вот он (Горбатов. — К. С.) уехал, а она (Нина Петровна. — К. С.) села и сидит, что дура, мечтает про разные отвлеченные вещи. Ну, пойдти постирай, если не хочешь физкультурой заняться. Или пойдти тому же своему Горбатову кровать прибири. *Нem!* Сидит и сидит» [Зош-3, с. 602]; «Он (Горбатов. — К. С.) <...> сам ее (Нину Петровну. — К. С.) по спинке хлопает, дурачится, обнимает. *Чего ему!* Он, главное, никакой общественной нагрузки не несет и весь замкнулся в свой горизонт и в свои нежные переживания» [Там же, с. 603]. Третьим же восклицательным знаком передается сочувствие человеку, потерявшему горячо любимую супругу. Ср.: «*Скажем только, что инженер Николай Николаевич чрезвычайно убивался и страдал от этого факта!*» [Там же].

Пересказанная речь рыбаков (ср. ее показатели — частицы «дескать» и «мол») является более эмоционально окрашенной: в ее пунктуационном маркировании использованы 2 вопросительных и 2 восклицательных знака. В данном случае эмотивные знаки препинания указывают в первой реплике на нетерпеливость, а во второй — на недовольство и гнев рыбаков. Ср.: «Тогда один из рыбаков, не желая, конечно, терять понапрасну драгоценное времечко, говорит — дескать, *ну, как? Она? Если не она, так давайте, граждане, разоидемя, чего стоять понапрасну!*» [Там же, с. 605—606]; «Тут рыбаки начали на него (на Горбатова. — К. С.) кричать — мол, *а деньги, деньги, мол, посулил, а сам тигалья дает, а еще бывший интеллигент и в фуражке!*» [Там же, с. 606].

Примечательно, что Нина Петровна вовсе лишена в рассказе собственной речевой партии. В речи же инженера Горбатова, представленной несколькими репликами, имеются всего 2 эмотивных знака препинания: многоточие, поставленное после слова-предложения с семантикой согласия-подтверждения, и восклицательный знак. Оба эмотивных знака препинания оформляют реплику, которую произносит потрясенный Горбатов, узнавший в утопленнице свою супругу. Ср.: «<...> он (Горбатов. — К. С.)

наклонил голову и тихо прошептал про себя: — *Да... это она!*» [Там же, с. 606].

В рассказе эта реплика Горбатова, который, казалось бы, совсем недавно был охвачен безмерной любовью, сопровождается повторяющимся упоминанием о безразличности, которую он испытал при виде утопленницы. При этом, наоборот, рассказчик-обыватель возвышенно говорит о ее «ликке» [Там же, с. 605]. «Реакция» Горбатова «эмоциональна» [Жолковский, 2014, с. 374], и подобный ее характер создается посредством эмотивных знаков препинания, хотя тому, как он проявил себя в эпизоде опознания, больше соответствовало бы иное пунктуационное маркирование его реплики: запятая — вместо многоточия, точка — вместо восклицательного знака. В речи Горбатова эмотивные знаки препинания, пусть и очень скудно, появляются лишь после того, как его супруги не стало.

В рассказе М. М. Зощенко «Дама с цветами» эмотивные знаки препинания представлены весьма скромно, а те, что имеются, вовсе не нацелены на передачу «перелива чувств, скрытых душевных движений» [Жолева, 2013, с. 141]. Достаточно сказать, что наибольшей концентрации эмотивные знаки препинания достигают в пересказанной речи рыбаков, добывающихся от Горбатова обещанного вознаграждения.

Установка на сдержанно-отстраненное, безэмоциональное повествование, приводящая к довольно ограниченному использованию эмотивных знаков препинания, идет от рассказчика, который еще в преамбуле заявляет, что «это рассказ насчет того, как однажды через несчастный случай окончательно выяснилось, что всякая мистика, всякая идеалистика, разная неземная любовь <...> есть форменная брехня и ерундистика» [Зош-3, с. 599].

Именно поэтому, осуществляя пародийную (точнее, пародийно-игровую) связь с рассказом «Дама с собачкой», рассказчик у М. М. Зощенко, будучи «речевым порождением писателя» [Виноградов, 1971, с. 184], намеренно отказывается от обильного и нюансированного употребления эмотивных знаков препинания, свойственного чеховскому рассказу. В этом проявляются сущность пунктуационного минус-приема и его эстетическая мотивировка в рассказе М. М. Зощенко «Дама с цветами».

4. Заключение = Conclusions

В заключение необходимо отметить, что идея минус-приема, высказанная Ю. М. Лотманом, имеет отношение ко всем сторонам организации художественного текста, в том числе и к его пунктуационному оформлению. Пунктуационный минус-прием закрепился как одно из приоритетных в рецептивно-стилистическом отношении средств художественной пунктуации.

Пунктуационный минус-прием не сводится исключительно к опущению знака препинания, который является необходимым в той или иной пунктуационной позиции в соответствии с нормой и / или узусом, то есть он не отождествляется с пунктуационным нулем. К пунктуационному минус-приему относится также постановка знака препинания, менее пригодного к выполнению той или иной функции.

Манифестация эмотивно-дейктической функции знаков препинания посредством пунктуационного минус-приема осуществляется как в отдельном высказывании, так и в интертексте (например, при пародировании). В первом случае вместо одного из эмотивных знаков препинания ставится точка. Ср. приветствие *Здравствуйте!* с узуальным восклицательным знаком и замену в этом приветствии восклицательного знака на точку в рассказе А. П. Чехова «Дама с собачкой»: «Гуров <...> подошел к ней (к Анне Сергеевне. — К. С.) и сказал дрожащим голосом, улыбаясь насильно: — *Здравствуйте.*» [Чех-2, с. 139]. Во втором случае эмотивные знаки препинания используются, однако — по сравнению с пародируемым текстом — крайне ограниченно и менее разнообразно.

В пародиях, как правило, при обыгрывании пунктуационных особенностей того или иного художественного текста гиперболически воспроизводятся определенные пунктограммы либо знаки препинания. О том, что такой алгоритм пунктуационных действий при пародировании отнюдь не является исключительным, свидетельствует обращение пародиста к пунктуационному минус-приему. Благодаря пародийному пунктуационному минус-приему, состоящему в полемически-дозированном употреблении эмотивных знаков препинания, происходит развертывание почти безэмоционального повествования, которое ощущалось бы в пародируемом тексте как эстетически недопустимое и стилистически чужеродное.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Зош-1 — *Зоценко М. М.* Голубая книга / М. М. Зоценко. — Москва : Время, 2008. — 816 с. — ISBN 978-5-9691-0363-4.
2. Зош-2 — *Зоценко М. М.* Личная жизнь : Рассказы и фельетоны (1932—1946) / М. М. Зоценко. — Москва : Время, 2008. — 640 с. — ISBN 978-5-9691-0362-7.
3. Зош-3 — *Зоценко М. М.* Нервные люди : Рассказы и фельетоны (1925—1930) / М. М. Зоценко. — Москва : Время, 2008. — 752 с. — ISBN 978-5-9691-0360-3.
4. Зош-4 — *Зоценко М. М.* Разнотык : Рассказы и фельетоны (1914—1924) / М. М. Зоценко. — Москва : Время, 2008. — 848 с. — ISBN 978-5-9691-0359-7.

5. Зош-5 — *Зощенко М. М.* Перед восходом солнца / М. М. Зощенко. — Москва : Время, 2008. — 784 с. — ISBN 978-5-9691-0365-8.
6. МЗ — *Михаил Зощенко* : pro et contra. Антология. 2-е изд. / Сост. И. Н. Сухих. — Санкт-Петербург : РХГА, 2015. — 1088 с. — ISBN 978-5-88812-647-9.
7. Чех-1 — *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 18 т. / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1984. — Т. 4. — 544 с.
8. Чех-2 — *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 18 т. / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1986. — Т. 10. — 495 с.
9. Чех-3 — *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Письма в 12 т. / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1975. — Т. 2. — 583 с.
10. Чех-4 — *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Письма в 12 т. / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1978. — Т. 6. — 774 с.

Литература

1. *Валгина Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н. С. Валгина. — Москва : Высшая школа, 2004. — 259 с. — ISBN 5-06-004937-X.
2. *Виноградов В. В.* О теории художественной речи / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1971. — 240 с.
3. *Галанова Е. М.* Метапоэтические представления А. П. Чехова о пунктуации / Е. М. Галанова // Чеховские чтения в Ялте / Под ред. О. О. Пернацкой. — Ялта : Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник, 2021. — Выпуск 25. — С. 198—206. — ISBN 978-5-6046175-8-8.
4. *Глухих В. М.* Синтаксис и пунктуация рассказов А. П. Чехова / В. М. Глухих. — Магнитогорск : МГПИ, 1991. — 66 с.
5. *Гурбанов В. В.* А. П. Чехов о пунктуации / В. В. Гурбанов // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. — Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1963. — Т. 248. — С. 439—448.
6. *Жолковский А. К.* Поэтика за чайным столом и другие разборы / А. К. Жолковский. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 824 с. — ISBN 978-5-4448-0189-5.
7. *Калинина А. А.* Знаки конца предложения как знаки эмоций / А. А. Калинина // Язык и метод — 7. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века : Русская пунктуация в коммуникативном аспекте / Отв. ред. Д. Шумска, К. Озга. — Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2021. — С. 201—211. — ISBN 978-83-233-5023-1.
8. *Колева И. П.* Михаил Зощенко : искусство пародии. Традиции отечественной юмористики XIX века в творчестве М. М. Зощенко / И. П. Колева. — Москва : Вече, 2013. — 192 с. — ISBN 978-5-4444-1219-0.
9. *Кольцова Л. М.* Пунктуационный эксперимент в художественном тексте / Л. М. Кольцова. — Воронеж : ВГУ, 2006. — 194 с. — ISBN 5-9273-10-94-X.
10. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Азбука, 2016. — 704 с. — ISBN 978-5-389-10444-0.
11. *Минус-прием* : вопросы поэтики. Межвузовский сборник научных работ / Под ред. Н. А. Ермаковой. — Новосибирск : НГПУ, 2011. — 227 с. — ISBN 978-5-85921-790-8.
12. *Набоков В. В.* Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2010. — 448 с. — ISBN 978-5-9985-0689-5.

13. Новиков В. И. Книга о пародии / В. И. Новиков. — Москва : Советский писатель, 1989. — 544 с. — ISBN 5-265-00933-7.
14. Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика : Избранные труды / А. М. Пешковский. — Москва : Высшая школа, 2007. — 800 с. — ISBN 5-06-005089-0.
15. Стрункина И. А. Языковые средства реализации «минус-приема» в художественном тексте (на материале произведений А. П. Чехова и Э. Хемингуэя) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / И. А. Стрункина. — Краснодар, 2004. — 22 с.
16. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Наука, 1977. — 574 с.
17. Abaravičius J. Skyrybos stilistika / J. Abaravičius. — Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2002. — 286 p. — ISBN 5-420-01495-5.
18. Bartlett R. “Notes in a musical score” : the point of Chekhov’s punctuation / R. Bartlett // Essays in poetics. Chekhov and others / J. Andrew, R. Reid (eds.). — Keele : Keele University, 2006. — Vol. 2. — Pp. 43—66.
19. Figueras C. Pragmática de la puntuación / C. Figueras. — Barcelona : EUB — Octaedro, 2001. — 180 p. — ISBN 84-8063-468-5.
20. Lukeman N. The art of punctuation / N. Lukeman. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 192 p. — ISBN 978-0-19-861454-8.
21. Nørgaard N. Multimodal stylistics of the novel. More than words / N. Nørgaard. — New York & London : Routledge, 2019. — 348 p. — ISBN 978-1-138-50380-9.
22. Serça I. Esthétique de la ponctuation / I. Serça. — Paris : Gallimard, 2012. — 320 p. — ISBN 978-2-07-013764-0.

Статья поступила в редакцию 01.10.2024,
одобрена после рецензирования 27.01.2025,
подготовлена к публикации 20.02.2025.

Material resources

- Chekh-1 — Chekhov, A. P. (1984). *Complete works and letters in 30 volumes. Works in 18 volumes, 4*. Moscow: Nauka Publ. 544 p. (In Russ.).
- Chekh-2 — Chekhov, A. P. (1986). *Complete works and letters in 30 volumes. Works in 18 volumes, 10*. Moscow: Nauka Publ. 495 p. (In Russ.).
- Chekh-3 — Chekhov, A. P. (1975). *Complete works and letters in 30 volumes. Letters in 12 volumes, 2*. Moscow: Nauka Publ. 583 p. (In Russ.).
- Chekh-4 — Chekhov, A. P. (1978). *Complete works and letters in 30 volumes. Letters in 12 volumes, 6*. Moscow: Nauka Publ. 774 p. (In Russ.).
- MZ — Mikhail Zoshchenko, *Ministry of Health: pro et contra. An anthology. 2nd ed.* (2015). St. Petersburg: RHGA. 1088 p. ISBN 978-5-88812-647-9. (In Russ.).
- Zoshch-1 — Zoshchenko, M. M. (2008). *The Blue Book*. Moscow: Vremya. 816 p. ISBN 978-5-9691-0363-4. (In Russ.).
- Zoshch-2 — Zoshchenko, M. M. (2008). *Personal life: Stories and Feuilletons (1932—1946)*. Moscow: Vremya. 640 p. ISBN 978-5-9691-0362-7. (In Russ.).
- Zoshch-3 — Zoshchenko, M. M. (2008). *Nervous people: Stories and Feuilletons (1925—1930)*. Moscow: Vremya. 752 p. ISBN 978-5-9691-0360-3. (In Russ.).
- Zoshch-4 — Zoshchenko, M. M. (2008). *Raznotyk: Stories and Feuilletons (1914—1924)*. Moscow: Vremya. 848 p. ISBN 978-5-9691-0359-7. (In Russ.).

Zoshch-5 — Zoshchenko, M. M. (2008). *Before sunrise*. Moscow: Vremya. 784 p. ISBN 978-5-9691-0365-8. (In Russ.).

References

- Abaravičius, J. (2002). *Skyrybos stilistika*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. 286 p. ISBN 5-420-01495-5. (In Lith.).
- Bartlett, R. (2006). “Notes in a musical score”: the point of Chekhov’s punctuation. In: *Essays in poetics. Chekhov and others*, 2. Keele: Keele University. 43—66.
- Ermakova, N. A. (ed.). (2011). *Minus device: questions of poetics. Interuniversity collection of scientific papers*. Novosibirsk: NSPU. 227 p. ISBN 978-5-85921-790-8. (In Russ.).
- Figueras, C. (2001). *Pragmática de la puntuación*. Barcelona: EUB — Octaedro. 180 p. ISBN 84-8063-468-5. (In Span.).
- Galanova, E. M. (2021). Chekhov’s metapoetic ideas about punctuation. In: *Chekhov’s readings in Yalta*, 25. Yalta: Crimean Literary and Artistic Memorial Museum-Reserve. 198—206. ISBN 978-5-6046175-8-8. (In Russ.).
- Glukhykh, V. M. (1991). *Syntax and punctuation of A. P. Chekhov’s stories*. Magnitogorsk: MGPI. 66 p. (In Russ.).
- Gurbanov, V. V. (1963). A. P. Chekhov on punctuation. In: *Scientific notes of the Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen*, 248. Leningrad: LGPI named after A. I. Herzen. 439—448. (In Russ.).
- Kalinina, A. A. (2021). Signs of the end of a sentence as signs of emotions. In: *Russian and method — 7. The Russian language in linguistic research of the XXI century: Russian punctuation in a communicative aspect*. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellónskiego. 201—211. ISBN 978-83-233-5023-1. (In Russ.).
- Koleva, I. P. (2013). *Mikhail Zoshchenko: the art of parody. Traditions of Russian humourism of the 19th century in the works of M. M. Zoshchenko*. Moscow: Veche. 192 p. ISBN 978-5-4444-1219-0. (In Russ.).
- Koltsova, L. M. (2006). *Punctuation experiment in a literary text*. Voronezh: VSU. 194 p. ISBN 5-9273-10-94-X. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2016). *The structure of the literary text. Analysis of the poetic text*. Saint Petersburg: Azbuka. 704 p. ISBN 978-5-389-10444-0. (In Russ.).
- Lukeman, N. (2006). *The art of punctuation*. Oxford: Oxford University Press. 192 p. ISBN 978-0-19-861454-8.
- Nabokov, V. V. (2010). *Lectures on Russian literature*. Saint Petersburg: Azbuka-Classics. 448 p. ISBN 978-5-9985-0689-5. (In Russ.).
- Nørgaard, N. (2019). *Multimodal stylistics of the novel. More than words*. New York & London: Routledge. 348 p. ISBN 978-1-138-50380-9.
- Novikov, V. I. (1989). *Book about parody*. Moscow: Soviet Writer. 544 p. ISBN 5-265-00933-7. (In Russ.).
- Peshkovsky, A. M. (2007). *Linguistics. Poetics. Stylistics: Selected works*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 800 p. ISBN 5-06-005089-0. (In Russ.).
- Serça, I. (2012). *Esthétique de la punctuation*. Paris: Gallimard. 320 p. ISBN 978-2-07-013764-0. (In Frenc.).
- Strunkina, I. A. (2004). *Linguistic means of implementing “minus device” in a literary text (based on the works of A. P. Chekhov and E. Hemingway)*. Author’s abstract of PhD Diss. Krasnodar. 22 p. (In Russ.).

- Tynyanov, Yu. N. (1977). *Poetics. The history of literature. Cinema*. Moscow: Nauka Publ. 574 p. (In Russ.).
- Valgina, N. S. (2004). *Actual problems of modern Russian punctuation*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 259 p. ISBN 5-06-004937-X. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1971). *On the theory of artistic speech*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 240 p. (In Russ.).
- Zholkovsky, A. K. (2014). *Poetics at the tea table and other analyses*. Moscow: New Literary Review. 824 p. ISBN 978-5-4448-0189-5. (In Russ.).

*The article was submitted 01.10.2024;
approved after reviewing 27.01.2025;
accepted for publication 20.02.2025.*